

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

- II. О.Г.Большаков, Ислам и изобразительное искусство. - "Труды Государственного Эрмитажа". Т.10, 1969, с.142-156; R.Paret, Die Entstehungszeit des islamischen Bildverbots - "Kunst des Orients", XI (1977), 1/2, с.159-181.
12. См. журн. "Саут ал-умма", Тегеран, 15-31 октября, 1981, с.33.

В.М.Рыбаков

ПРАВОВЫЕ НОРМЫ, РЕГУЛИРОВАВШИЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ
ПОЧТОВЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ ПРИ ТАН
(по материалам Тан люй шу и).

При весьма значительных территориях, которые контролировал Танский Китай, эффективное управление страной из единого центра - то, к чему стремились все китайские императоры - не могло быть реально осуществлено без хорошо налаженной системы коммуникаций. Роль такой системы выполняли почтовые тракты (я лу 驛路), вдоль которых на расстоянии тридцати ли друг от друга располагались почтовые станции.¹ Организационно они были подчинены транспортно-почтовому ведомству Военной палаты. Оно заведовало конюшнями и выпасом коней, колесницами, а также правительственной почтой и ее экипажами. Согласно "Тан лю джянь", на территории империи в общей сложности находилось тысяча шестьсот тридцать девять почтовых станций.²

Правилами внутреннего распорядка различных государственных учреждений был определен круг документов, которые надлежит посылать с гонцами, и которые посылать с гонцами не надлежит. Поэтому за посылку с гонцом документа, который не следовало посылать, или, наоборот, за непосылку документа, который следовало послать, виновный начальник приговаривался к ста ударам толстыми палками. Отклонение в обе стороны от нормы, предусмотренной Высочайше утвержденными правилами, будь то преступное действие или преступное недействие, наказывалось одинаково.

Определив наказание за посылку или непосылку гонцов, основное

внимание кодекс уделяет поведению гонца в дороге. Для гонца существовал определенный норматив скорости движения (синчэн 行程). Несколько раньше, в другом разделе кодекса, указываются нормативы движения по суше вообще — для конного семьдесят ли в день, для идущего пешком или едущего на муле пятьдесят ли в день, для едущего на телеге тридцать ли в день, причем при совместном передвижении нескольких видов транспорта норматив определялся по самому медленному из них.³ Однако, возможно, для гонцов и вообще для едущих на почтовых норматив был иным, тем более, что, как указывает Ротур, едущий по почтовым коммуникациям обязан был в день проезжать шесть почтовых станций, то есть делать по меньшей мере сто пятьдесят ли в день.⁴ В соответствующей статье кодекса нет прямого указания. Там говорится лишь, что в документе, который получал гонец и который давал ему право на передвижение по почтовому тракту (чжуань фу 傳符) указывалось количество пересадок на станциях, на протяжении всего пути, и соответственно этому количеству вычислялся норматив движения. Задержка в пути относительно норматива строго наказывалась. При делах обычного свойства за один день задержки (под днями имеются в виду сутки) гонец наказывался восьмьюдесятью ударами толстыми палками, и затем по прошествии каждого двух последующих дней наказание возрастало на одну степень: за три полных дня задержки девяносто ударов, за пять дней — сто ударов, за семь дней — один год каторги, за девять дней — полтора года каторги и за одиннадцать дней — два года каторги. Двумя годами наказание в данном случае ограничивалось, то есть как бы ни возрастала задержка свыше одиннадцати дней, наказание не увеличивалось. Однако в случае, если гонец вез сообщения о срочных военных делах, наказание возрастало на три степени, то есть за один день задержки — год каторги, за одиннадцать и более дней — ссылка на две тысячи ли. Такой приговор выносился, если, несмотря на важность сообщения, опоздание гонца не имело никаких последствий. Если же результатом задержки оказывались упущения и провалы, то есть нарушалось управление, опаздывало сообщение о внезапном ударе, действовали совсем иные правила. За первый же полный день опоздания следовала ссылка с дополнительными работами (цзя и лю 加役流) — то есть особая ссылка на три тысячи ли, включавшая не один год принудительных работ, как обычная, а три года; кроме того, для чиновников, имеющих ранги, она всегда сопровождалась разжалованием — смещением со всех должностей и лишением всех титулов знатности. Если же результатом задержки гонца были потери среди населения, а также среди войск и гарнизонов, от одного человека и более, то за

день задержки полагалось удавление.

Все гонцы, беспричинно передававшие вверенные им документы другим людям с тем, чтобы те доставили их по назначению, наказывались одним годом каторги; такое же наказание получал и тот человек, который соглашался взять на себя это поручение. Уважительной причиной, оправдывавшей передачу, считались лишь болезнь, травма, а также сообщение о смерти родителей. Наказание, равное одному году, получали гонец и его посланец лишь в том случае, если посланный документ в срок передавался адресату, или если после передачи другому лицу следовала задержка в доставке, наказуемая менее чем одним годом каторги. Если же посланец гонца допускал задержку относительно норматива настолько большую, что наказание за нее превышало год каторги, то есть истекало девять дней с момента нормативного срока прибытия, оба получали наказание соответственно шкале задержек, причем главным преступником считалось то лицо, которому гонец передал документ, а сам гонец — лишь сообщником, следовательно, наказывался на одну степень легче. Однако если результатом задержки явились упущения и провалы, а тем более потери среди населения и личного состава войск, главным преступником рассматривался гонец, а сообщником — его посланец. Гонец, таким образом, получал за задержку на один день, приведшую к упущениям, ссылку с дополнительными работами, а сообщник — ссылку на две с половиной тысячи ли; за задержку, приведшую к потерям, гонец получал удавление, а его посланец — ссылку на три тысячи ли. Только если гонец не был послан специально из-за переданного документа, а по какой-то другой причине, и документ этот был лишь придан ему, ни гонец, ни его посланец ответственности за передачу не несли.

За доставку документа не по адресу гонец наказывался сравнительно мягко — высчитывалась задержка, которая произошла вследствие неправильной доставки, и соответственно ей определялось наказание, на две степени меньшее чем за фактическую задержку. Это значит, что за один день задержки, происшедшей из-за доставки не по адресу, гонец наказывался шестьюдесятью ударами толстыми палками, а за одиннадцать дней и более — одним годом каторги. При срочных военных делах, как и прежде, наказание повышалось на три степени; при упущениях и провалах вследствие задержки гонец наказывался двумя с половиной годами каторги, и при потерях — тремя. При этом, если неправильная доставка произошла не по вине гонца, а по вине того, кто отправлял данный документ с гонцом, наказывался именно он. Кодекс гласит: "Тот, кто должен запечатать пакет и надписать его, полностью разъясняет, в какой округ и учреждение документ ад-

ресован... Если причиной явилась ошибка в написании адресата... тогда вина возлагается на того, кто подписывал пакет..."⁵

Юридически регламентировалась и оптимальность избранного пути, и количество груза, который дозволено было перевозить. Гонец ни в коем случае не должен был уклоняться с почтового тракта. За одно ли лишней дороги по причине уклонения гонец получал сто ударов толстыми палками; затем каждые пять ли увеличивали наказание на одну степень, причем ограничение наступало при двух годах каторги, то есть при шестнадцати ли лишнего пути. Проехавший далее места назначения получал, также согласно расстоянию лишнего пути, на одну степень больше, чем за простое уклонение, то есть за одно ли - один год каторги, за шестнадцать ли и более - два с половиной года. Предполагалось, что, несмотря на уклонение, гонец прибыл вовремя. Наконец, не сменивший лошадей на очередной станции гонец наказывался восемьдесятю ударами толстыми палками, а в случае смерти уставшего животного возмещал казне его стоимость. Только если на станции не было сменных лошадей, проезд на уставших лошадях дальше станции не считался преступлением. Кодекс гласит: "Закон, трактующий об отклонениях в пути, главным образом тревожится о затратах энергии лошадьми, а также опасается задержек в пути".⁶

Эти же мотивы привели к жесткому ограничению веса личных вещей, которые дозволялось провозить на почтовых лошадях. В число этих вещей не включались уже надетая одежда и положенное данному человеку по его положению оружие. За этими исключениями вес имеющих при себе личных вещей не должен был превышать одного цзиня. Если он достигал этого предела или превышал его, виновный наказывался шестьдесятю ударами толстыми палками; затем каждые последующие десять цзиней увеличивали наказание на одну степень, причем наказание ограничивалось одним годом каторги, которым наказывался провоз груза в пятьдесят один цзинь.

В случае, если власти - в первую очередь имеются в виду, очевидно, начальники почтовых станций, а также, возможно, отправлявшие гонца чиновники - знали о нарушении пути гонцом, о провозе лишнего груза, и не вмешались, они получали одинаковое наказание с преступником.

Наконец, было строго регламентировано количество лошадей, которое пользующиеся почтовыми коммуникациями люди различного социального статуса могли требовать. Чиновники, занимающие служебные должности третьей категории ранга и выше, а также ваны, имели право на четыре лошади. Чиновники четвертой категории ранга, а также те, кто имел титулы знатности соответствующих рангов, то есть сыван, цзинь-

ван и гогун, имели право на три лошади. Чиновники пятой категории ранга, а также сяньхоу, сяньгуны и цзюньгуны имели право на две лошади. Те, кто имел только наградные должности соответствующих рангов, а также ушедшие в отставку с должностей упомянутых рангов чиновники получали на одну лошадь меньше, чем служащие чиновники или знать этих рангов, то есть соответственно три, две и одну. Также только на одну лошадь имели право чиновники, занимающие служебные должности с шестой по девятой категорий ранга, а также те, кто должен был передвигаться на почтовых, но не имел рангов. Те, кто брал больше положенного, за одну лишнюю лошадь наказывались одним годом каторги, за двух - полутора годами, и за трех - двумя годами. Кроме того, существовала регламентированная разница; кто должен передвигаться на лошади, а кто на осле. Если вместо осла или ослон, положенных ему по положению или по ситуации, некто брал лошадь или лошадей, то, даже если количество их было незначительным, он получал наказание, на одну степень меньше, чем за увеличение числа лошадей сверх дозволенного, то есть за одну лошадь - сто ударов толстыми палками, и так далее. В этом случае власти, знающие о допущенном беззаконии, также наказывались одинаково с преступником; не знающие, как и раньше, наказания не получали. Ослабление любого из всех вышеперечисленных наказаний на одну степень, если едущий при помощи почтовых коммуникаций пользуется не лошадью, а ослон, действовало и во всех предыдущих случаях.

Таким образом, мы видим, что, во-первых, государственная почтовая служба была предназначена, главным образом, для срочной передачи информации, особенно оборонного характера, и, кроме того, для быстрого и беспрепятственного проезда должностных лиц и высокопоставленной знати. Во главу угла при организации почтовой службы ставилось обеспечение ее эффективности и экономичности, поэтому комфорт проезжающих сводился до приличествующего социальному статусу каждого лица разумного минимума, какое бы положение в обществе проезжающие не занимали; а темп и ненакладность для государства их проезда были максимально возможными. Обеспечению этой двуединой задачи и были посвящены юридические нормы, регулировавшие пользование почтовыми коммуникациями. Система нормативов давала возможность точно знать, когда прибывает по назначению отправленная документация. Любое нарушение правил пользования почтой, в том числе и нарушение нормативов, рассматривалось как уголовное преступление, и наказывалось достаточно строго. В тех случаях, когда злоупотребление могло быть пресечено воздействием извне, и не было пресечено, повинные в этом люди считались равно ответственными, и получали то

же наказание, что и преступник. Лицо, имеющее возможность предотвратить преступление, и не делающее этого, особенно должностное лицо, имеющее для подобного предотвращения все полномочия, оказывалось виновным наравне с преступником, поскольку, с точки зрения таинского права, злой умысел или злостное небрежение своими обязанностями в данном случае оказывались равными злему умыслу самого преступника.

-
1. Rotours, Robert des, *Traité des fonctionnaires et traité de l'arabe*; V.1, Leide, Brill., 1947, p.93.
 2. *Ibid.*, p.111.
 3. Тан лэй шу и, цзюань 3; раздел I, статья 25, § I; цит. по изданию "Цуншу цзичэн", Шанхай, 1939, с.60. В дальнейшем нумерация страниц дается по этому изданию.
 4. Rotours, Robert des, *Traité des fonctionnaires et traité de l'arabe*; V.1, Leide, Brill., 1947, p.112.
 5. Тан лэй шу и, цзюань 10; p.3, ст.36, § I; с.227.
 6. Тан лэй шу и, цзюань 10; p.3, ст.38, § I; с.229.

Т.Д.Скрынникова

ЛАМАИЗМ В МОНГОЛЬСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XVI—XVII вв.

Монгольское законодательство, закреплявшее складывавшиеся общественно-экономические отношения, отразило также и этапы распространения буддизма в Монголии.

В данной работе использованы "18 законов", опубликованных Х. Пэрлэе (перевод наш — Т.С.) и монголо-ойратские законы в переводе К.Ф.Голстунского.

Все исследователи единодушно признают, что широкое распространение буддизма в Монголии началось с момента встречи Алтан-хана тумэатского и Содном-джамцо. В "Белой истории" — первом документе, появившемся в монгольской среде одновременно с официальным принятием буддизма Алтан-ханом, — был законодательно оформлен союз церкви и государства, а именно, тибетской церкви и монгольского государства, имевший давнюю традицию со времен Каньской династии, причем, "вла-